

Елена
АРСЕНЬЕВА

Мужчины *Мадлен*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева
Мужчины Мадлен

«Автор»

2010

Арсеньева Е. А.

Мужчины Мадлен / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2010 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-40786-6

Писательница Алена Дмитриева не раз бывала в Париже и обожала все, что связано с городом любви. Кроме того, Дмитриева обладала уникальной способностью ввязываться в немыслимые приключения везде, где бы ни находилась! Приобретя полотно средневековой художницы, Алена моментально попала в капкан аферистов и мошенников. Только по дороге домой злополучная картина подверглась нескольким похищениям. А уж что началось по возвращении!.. Друзья превратились в беспринципных манипуляторов, знакомые оказались жуликами, а враги обернулись лучшими друзьями. И все из-за маленького кусочка французского холста!..

ISBN 978-5-699-40786-6

© Арсеньева Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Елена Арсеньева

Мужчины Мадлен

Все события, изображенные в романе, выдуманы, совпадение имен и фамилий носит случайный характер

Кстати, поговорим немного о разврате...

В. Федоров

Женщины считают невинным все, на что они решаются.

Жубер

Сколько там нынче стоит евро? Примерно сорок пять рублей? Ну, пусть так, рублик-другой туда-сюда определяющей роли в мировой революции не сыграет. А если умножить сорок пять рублей на пятьдесят евро? Получается... получается... Так, сорок на пятьдесят – это две тысячи, потом пять на пятьдесят – двести пятьдесят, затем сложить... выходит две тысячи двести пятьдесят. Впрочем, той же цели можно добиться гораздо проще: если одно евро – сорок пять рэ, то сто – четыре пятьсот, а разделить четыре пятьсот на два, выходят все те же две тысячи двести пятьдесят рубликов. Ну, каждый считает по-своему, Алёна Дмитриева, к примеру, и тот способ попробовала, и этот (она по привычке, свойственной всем руссо туристо за рубежом, быстренько переводила местные цены на рубли), и сочла, что сумма получается не критичная. То есть данная сумма ее совершенно не разорит, а удовольствие, купленное за эту денежку, практически тянет на вечность. Поэтому она вынула из кошелька красненькую бумажку в пятьдесят евражек и протянула симпатичному молодому человеку, гарсону, который так и ел ее глазами.

Надо сказать, что местоимение «ее» в данном случае относится равным образом и к бумажке, и к Алёне. Гарсон явно терялся, куда свои пыльные взоры приклеить, то ли к безупречным ногам красивой грудастой дамы (она была в шортах и топике... зрелище – зашибись!), то ли к бумажке в пятьдесят евро. Не то парень жадный такой был по сути своей, не то деньги ему срочно понадобились, а может, и сверхсрочно, если он решился за такую ничтожную сумму продать эту чудную картину.

А впрочем, дело ведь происходило не в какой-нибудь галерее, не на Монмартре, не на набережной Сены, не в сувенирном магазинчике, где цены рассчитаны исключительно на тугие кошельки туристов или на их же набитые карманы. Дело происходило на пюсе. Пюс, или по-французски la ruse, – блоха. Всем, даже тем, кто никогда не был в Париже, известен Блошинный рынок, иначе говоря, Marché aux ruses, в квартале Сент-Уан. Алёна когда-то, еще девочкой, узнала о нем из книги Херлуфа Бидструпа, знаменитого карикатуриста. Книга с годами затерялась, и Алёна помнила только одну картинку: девица с потрясающей фигурой прижимает к себе хорошенького щеночка. Смысл подписи состоял в том, что на Блошином рынке очень легко можно подцепить блох за свои же деньги. Ну что ж, немудрено: это ведь рынок антиквариата, старинных вещей, а иногда и просто, вульгарно – обыкновенного старья. Во Франции, как нигде в мире, сохранилось огромное количество веками, поколениями накопленного добра, которое иногда начинает заедать жизнь владельцам, и те норовят его сбыть по сходной цене. В провинции, к примеру, каждое воскресенье открываются на рыночных площадях такие небольшие барахолки, которые называются vides-greniers, вещи с чердака. Ну, по названию понятно, что там продается. Ничего нового – только то, что залежалось дома и больше не надобно. А в Париже многочисленные ruses, пюсы, в выходные дни открываются чуть ли не в каждом квартале. Знатоки проводят там уйму времени, а люди случайные, попав на такой пюс, ощущают себя Али-Бабой в пещере сокровищ.

Примерно так же почувствовала себя и Алёна Дмитриева, когда, возвращаясь с холмов Монмартра, направлялась к рю де Мортир – и вдруг на углу авеню Трюдан очутилась в центре рыночного развала.

Собственно, часы показывали уже пять, поэтому торговцы потихоньку собирали свои сокровища. Алёна торопливо покопалась в коробках с бижутерией (в прошлом году она на таком же пюсе, правда, на бульваре Бон-Нувель, купила две пары ошеломительных серег из своего любимого муранского стекла, причем они были не какой-то новодел, который и в Нижнем Горьком¹ запросто купишь, а настоящий антик, тяжеловатый для нежных дамских ушек, но невероятно красивый), прошлась по мебельному ряду, кидая завистливые взгляды на шкафы, кресла и секретеры и воображая, как бы она обставила свой парижский дом... если бы, к примеру, в одночасье сделалась миллионершей и смогла купить себе жилье в Париже – мечтать, говорят, не вредно!... Потом, подвергнув опасности свою и без того избыточно рельефную фигуру, съела дивную слоеную витушку с изюмом – на всяком пюсе непременно торгуют вкуснейшей, просто-таки наркотической, пусть и не слишком-то здоровой едой – и собралась покинуть пюс. Но вдруг увидела эту картину, которая стояла себе бочком, скромно так, посреди откровенно аляповатой мазни и каких-то там однообразных гравюр, и просто-таки была по глазам своей изысканной красотой.

Или не была? Никто же в нее доселе не вцепился, никто не уволок, несмотря на смехотворную цену! Может, она только Алёну Дмитриеву так поразила. Может, она вообще была написана именно для того, чтобы свести с ума русскую писательницу-детективщицу, которая жила в Нижнем Новгороде, но частенько бывала в Париже и обожала все, что с Парижем связано, а главное, обладала уникальной способностью ввязываться в какие-то жуткие приключения как в родном городе, так и в этом самом Париже... Вот и сейчас, остановившись перед картиной, она остановилась как раз перед новым приключением, правда, еще того не ведая. Она могла бы избежать ловушки, расставленной ей судьбой, если бы полюбовалась да и пошла себе дальше, но нет – стояла и стояла, а судьба-охотница тем временем затянула петлю вокруг ее лодыжек и незаметно для Алёны опутала веревкой неизбежности и ее ноги, и бедра, и уже руки связала, и готовилась затянуть петлю на горле... А наша писательница все не могла оторвать взора от картины.

Ну, честно говоря, картина была и в самом деле чудная. Во-первых, на ней был изображен Париж. Во-вторых, Париж отнюдь не сегодняшний, а начала двадцатого или, может, даже и вовсе конца девятнадцатого века. В-третьих, привлекал сюжет. На площади Мадлен, почти у ступеней церкви Мадлен (не около главного фасада, который обращен на Конкорд, а с восточной стороны, где крыльцо не столь высокое), стояла цветочница с небольшой тележкой, переполненной букетами. Сейчас на этом месте находится очень даже не маленький рынок цветов, а в старину здесь обитали цветочницы с ведрами и тележками. Говорят, традиция пошла оттого, что некогда близ Мадлен жила Альфонсина Дю Плесси – та самая, которую некогда любил Александр Дюма-сын и о которой он написал потом свою знаменитую «Даму с камелиями». Впрочем, бог весть, в Альфонсине ли дело тут, или просто место удобное выбрали для себя цветочницы. Парижане любят легенды – и подлинные, и мифические. С другой стороны, разве только парижане их любят? Возьмите хоть Алёну Дмитриеву – вокруг нее столько легенд всегда ходило, ну просто хороводы водили вокруг нее эти самые легенды! И не то чтобы она была от них в восторге, но все же без легенд жизнь гораздо скучнее, согласитесь...

Так вот о картине. В ней было что-то импрессионистическое и реалистическое враз. От импрессионизма – небрежная изысканность мазка и щедрая яркость красок, которыми выполнены были букеты; от реализма – весьма правдиво-унылое настроение. Собственно, оно и

¹ Так в шутку называют свой город жители Нижнего Новгорода, в недавнем прошлом носившего наименование гор. Горький. *Здесь и далее примечания автора.*

не могло быть иным в поздне-осенний, а может быть, даже зимний день: на деревьях – ни листочка, на небе – ни единого солнечного проблеска, да и одинокая продавщица цветов явно была одета для очень, ну очень холодного дня: капор, жакетик, ворох темных юбок, высокие ботинки... Чувствовалось, что она ужасно озябла и ругательски ругает себя за то, что вышла торговать в такую стужу. Ни одной цветочницы вокруг больше не было, все побоялись замерзнуть и поморозить свой нежный товар. А она вот рискнула.

Ее цветы, впрочем, вовсе не выглядели замерзшими. Они буйствовали, неистовствовали, просто-таки выплескивались из картины. Их хотелось взять в руки и окунуться в них лицом, в их холодную, ароматную влагу, непременно перепачкавшись при этом желтой и оранжевой пылью. И если общий фон был холодный, скучный, чопорный и какой-то невыносимо приличный, то цветы кривлялись, кокетничали, взывали ко всему самому потаенному и непристойному, что только таилось в человеке.

Во всяком случае, такое ощущение возникло у нашей героини. Слов нет, она воспринимала мир весьма своеобразно, и, что характерно, мир отвечал ей адекватным своеобразием, от которого порою Алёна только глаза таращила то изумленно, то потрясенно, а то и, случалось, испуганно. Таращила она их и сейчас – но сугубо восхищенно.

– Кто это написал? – спросила писательница у тощего гарсона-продавца.

Тот метался между двумя стойками (на другой был выставлен медный антиквариат), то и дело норовя сбить и без того криво висевшую над картинами табличку: «V. Peintre». Над многими стендами были прикреплены такие таблички, причем некоторые торговцы указывали только свои фамилии, например Richar, Millié, а некоторые – вид товара, который они продают: porcelaine – фарфор, или bronze – бронза, или bijouterie – бижутерия, или lampe de bureau – настольные лампы... Угадать по вывеске «V. Peintre», что имеется в виду, фамилия или вид товара, было сложно, ведь здесь продавались картины, а peintre по-французски – художник... Впрочем, нет, тут, конечно, фамилия, потому что V. – явно инициал. Может, парня зовут Victor или, к примеру, Vincent. И вообще, можно было написать на табличке tableaux (картины) или peinture (живопись).

– Кто художник? – повторила вопрос Алёна.

Продавец небрежно передернул плечами:

– Не знаю. Наверное, копия с чего-нибудь, причем не самая лучшая. Вот здесь, – он перевернул картину, и стали видны порыжевшая изнанка небрежно загрунтованного холста и грубая основа рамки, – написано: Madeleine, Мадлен.

– Может, автор уточнил, что именно изображено, – нетерпеливо возразила Алёна. – Мол, église Madeleine, то есть церковь Мадлен. Или площадь Мадлен.

– Смотрите... – Продавец ткнул пальцем в убористую надпись в самом низу изнанки холста: «La vendeuse de fleurs à la place de la Madeleine»².

– Это название. А художницу, наверное, звали Мадлен. И на самой картине стоит та же буква, видите?

И Алёна в самом деле разглядела в нижнем правом углу полотна, там, где обычно стоит подпись автора, корявенькие буквки: М-О Х.

– Думаете, «М» означает «Мадлен»? – усомнилась Алёна, которая, когда не надо, была избыточно доверчива, а иногда становилась – вот как сейчас! – сущим Фомой Неверующим.

– Думаю, это первая буква ее первого имени, – с видом знатока заявил продавец. – Например, ее звали Мадлен-О... Ну, к примеру, Одри, или Одетта...

² «Продавщица цветов на площади Мадлен» (франц.).

– Или Одиллия, – немедленно подсказала Алёна, которая обожала балет «Лебединое озеро». – Или Огюстина, или Онорина... Хотя нет, если Огюстина, первая буква была бы А, а если бы Онорина – Н³.

– Мадемуазель иностранка? – лукаво улыбнулся продавец. – Впрочем, ваш очаровательный акцент мне это уже подсказал.

– Да, я русская, – кивнула Алёна.

– О, все русские необычайно красивы... – промурлыкал продавец, глядя в ее декольте.

Собственно, Алёна и сама знала, что все русские красивы (кто не знает, это вообще аксиома). Поэтому она просто кивнула и продолжила разгадывать тайну подписи:

– А что значит Х? Начальную букву фамилии?

– Ну да. Например, Xavier, Ксавье. Почему бы нет?

– А была такая художница, Мадлен-Одри Ксавье? – продолжала сомневаться Алёна.

– Наверное, была, если написала картину, – хмыкнул продавец. – Запросто!

– То есть она не очень известная? – огорчилась Алёна.

– Скорее совсем неизвестная, – пренебрежительно пожал плечами молодой человек. – Какая-нибудь любительница. Так, пописывала для себя, для своего удовольствия, ну а теперь потомки пожинают плоды. Довольно хиленькие плоды, а все же... Да и зачем вам картина известного автора? Вы же ее за границу повезете? Картина знаменитости непременно окажется в каком-нибудь секретном таможенном каталоге, ее или запретят вывозить, или пошлину сделают. А эта... Это для удовольствия! Ну так вы берете картину?

– Беру, – кивнула Алёна решительно и достала кошелек. – У меня, видите ли, день рождения скоро, в сентябре. И хоть, говорят, плохая примета – заранее подарки делать, я все же куплю картину себе в подарок. И завтра первым утренним рейсом она полетит в Россию.

– Мадемуазель, – с парижской улыбкой (нет, в самом деле, так умеют улыбаться только парижане мужского пола!) проговорил продавец, – желаю, чтобы ваша несравненная, уникальная красота (он так и сказал – *votre beauté incomparable, unique*) цвела год от года так же пышно и ярко, как эти цветы! – Парень ткнул пальцем в буйство красок на картине.

Алёна покачала головой и подумала, что тощий чернявый торговец, в остроносом смуглом лице которого было что-то гасконское, совершенно как у короля Генриха IV или, на худой конец, как у д'Артаньяна, совершил одну ошибку. Роковую, можно сказать. Ему надо было цену называть не *до* комплимента, а *после*. Сейчас Алёна не то что пятьдесят евро, но даже сто выложила бы. Честное слово!

Но что сказано, то сказано. Алёна отдала деньги, продавец уложил картину в непрезентабельный черный пластиковый пакет, наша героиня поблагодарила, обворожительно улыбнулась – и пошла вниз по рю де Мортир. По пути она увидела маленькую очаровательную кондитерскую и решила проститься с Парижем с помощью шоколадного торта Орэа – вкуснейшего из всех шоколадных тортиков, вырабатываемых человечеством. Купив средних размеров торт – не самый большой, а как раз чтобы хватило на двоих любительниц, имея в виду себя и свою подругу Марину, у которой останавливалась, когда приезжала в Париж, – она отправилась своим путем, даже не подозревая, что, если бы не страсть к сладкому, жизнь ее дальнейшая сложилась бы совершенно иначе.

Кто там из великих людей осуждал чревоугодие? Правильно делал, между прочим!

³ Алёна подразумевает, что во французском языке звук «о» иногда выражается на письме буквосочетанием, как, например, в слове *août*, то есть август, от которого произошло имя Огюстина (Августа), а в слове *honneur*, честь, от которого произошло имя Онорина, не произносится буква *h*.

* * *

А на тех листочках было написано:

Стою я на холмах Монмартра.
У ног моих лежит Париж.
Он – словно роза изо льда
На темном блюде океана.
Париж прекрасен без изъяна.
Париж сияет, как звезда.
Разверст он, словно бы... Да-да,
Как в рифму просится словечко,
Горячее, ну, словно печка!
Однако я себе клянусь:
Словечком тем не обожгусь,
Не оскверню своих я рук,
Погибну средь метафор-мук,
Но все ж избегну я соблазна,
Мой стих совсем не будет грязным,
Я непристойностей бегу,
И расскажу я как могу
Свою историю в стихах
Невиннейших... ну просто ах!

Сознаюсь, впрочем: я всегда
Любила это злое слово.
Всегда, туда, звезда, бурда...
Бурда – вот рифма! Это ново!
Ведь там, на дне, кипит бурда
Невероятного желанья.
И разверзается... всегда...
Она до самосодрогання
Пред наостренным, словно меч,
Мужским... И что теперь изречь?!
Какая рифма букве «ер»?
Ну, для примера слово – мэр.

Ах, мэр Парижа, говорят,
Имеет девочек подряд
На пляс Пигаль и на Клиши —
Любую вздрючит от души!
А вице-мэр – он тоже плут,
Вдвоем, случается, берут
Одну девицу на двоих...

Позор! Аж покраснел мой стих,
Поскольку не словцо «берут»
Ко мне просилось в строчку тут.

Оно стучится: «Дверь открой,
Впусти меня... стишочек твой
Я разукрашу, как витраж!»
О нет, опасный антураж!

Перечитала... А что, стихи мне удаются! Но вряд ли я долго выдержу. Все же прозой писать способней. К тому же за долгие годы я немного подзабыла русский. То есть с прозой-то управляюсь, пишу без ошибок, а вот рифмы подбирать трудно. Впрочем, еще неизвестно, с ошибками я пишу или без. Говорят, там, в России, теперь какая-то новая орфография, пресловутую букву «ер» не пишут, например. И «ять» – тоже. А читаешь здешнюю русскую прессу или книги – голова кругом: в каждом издательстве, в каждой газетенке своя орфография. Кто до сих пор пишет *революция*, кто уже – *революция*, кто – *жолтый*, кто – *желтый*, кто – *чортъ*, кто – *черт*, кто – *красныя*, кто – *красные*...

Собственно, с чего я так разволновалась? Не все ли мне равно, будут у меня ошибки или нет? Все равно никто, кроме меня, их не увидит. Я не собираюсь нести свои творения издателям, к примеру, в какой-нибудь «Галлимар». Конечно, не напечатают. Их ведь не Гиппиус и не Тэффи написали! Обо мне они и не знают. Конечно, если бы я назвала фамилию своего мужа, то, может быть... О, представляю себе шумиху, сенсацию! Скандальные стихи madame N! Похождения madame N! Madame N – шлюха! Нет, такая слава мне не нужна. Да и никакая слава мне не нужна. Славы N мне более чем довольно, она мне осточертела. Сейчас даже дико вспомнить, что когда-то я была на сцене, что меня манил зрительный зал, переполненный людьми, что я мечтала о толпах восторженных поклонников... Да, они у меня были. Ну, толпы не толпы, а все же... Теперь же я люблю тишину, я люблю тайну...

И вообще не понимаю, чего вдруг меня потянуло к стихам. А, просто так, баловство. Захотелось снова вспомнить свою жизнь, свои приключения... Собственно говоря, приключений в ней было не слишком много, они начались лишь после того, как меня бросил муж...

Нет, он меня не бросил. Я этого не допущу, развода он не получит! Увещевая меня согласиться развестись и суля золотые горы, он, конечно, думает, что мне нужны только его деньги, что я отказываюсь только из-за того, что боюсь лишиться средств, которые он заработал своей прославленной мазней. А вот и нет! Я хочу, чтобы он имел освященное законом и церковью право носить те рога, которые я ему наставила. На самом деле, на его голове уже тесно от рогов. Там просто свободного места нет! А я почти каждый день наставляю ему новые.

Он считает себя Казановой и настоящим быком в любви. Говорит, что ему не хватит пальцев рук и ног, чтобы пересчитать своих любовниц. Ну а мне не хватит и моих, и его рук и ног, чтобы пересчитать моих любовников.

И самое смешное, что никто об этом не знает. Если бы они, мои мужчины, милые дурачки, только вообразить могли, с чьей женой спят и кому наставили рога!

Вот возгордились бы собой!

* * *

– Не нахожу я никого с такими инициалами, – устало сказала Марина. – Наверное, и правда работа любительская. Никакой таможенник на нее даже и не глянет.

Алёна вяло расчесывала мокрые волосы. Она терпеть не могла мыть голову вечерами и ложиться с сырой головой, но завтра будет некогда: ее самолет в семь сорок утра, выходить из дому придется не позднее шести. Пока добежишь до улицы Скриба около Опера, откуда уходит в аэропорт Шарль де Голль замечательный такой зелененький автобус, пока доедешь, пока регистрацию пройдешь... А сейчас ждать, пока волосы высохнут, сил уже нет, пора в постель, времени почти полночь. Засиделись они с Мариной за тортиком, а также за любимым обеими

«Бейлисом», заболтались. А потом вдруг обе перепугались: вдруг картину все же не пропустят через таможенную, что тогда делать? Марина позвонила своему мужу Морису, знатоку всяческих раритетов, в Мулян. В этой чудной французской деревне у Мориса и Марины был чудный загородный дом, где не раз проводила лето Алёна. И дом, и сам Мулян писательница обожала! Почему-то там с нею происходили всякие невероятные приключения, которые Алёна потом описывала в своих романах, из-за чего Мулян заслужил прозвище криминальной деревни⁴.

Нынешний август она тоже провела в Муляне и покинула райское местечко лишь потому, что надо же все-таки возвращаться в Россию. Работать надо, книжки писать! Марина тоже поехала в Париж – проводить Алёну и провести парижскую квартиру, а Морис на два дня остался с дочками – Лизочкой и Танечкой. Нянькой работал, так сказать.

Морис сообщил, что девочки в полном порядке, рыдать по маме перестали, как только поезд Дижон – Париж отошел от перрона станции Монбар, неподалеку от которой находится Мулян. Услышав о покупке картины, он необычайно воодушевился, поскольку был яростным обожателем всего и всяческого антиквариата, а тем паче более или менее старинной живописи. Мориса вполне можно было назвать знатоком, однако и ему инициалы *М-О Х* не сказали ровно ничего, ни о какой Мадлен-Одетте или Одиллии Ксавье он и слыхом не слыхал.

– Вообще в таких случаях в антикварных салонах дают справку, мол, картина художественной ценности не представляет, – пояснил Морис.

– Так она ее на пюсе покупала, – возразила Марина. – Разве на пюсах можно такую справку получить?

– Всякое бывает, – туманно ответил Морис. – Надо было спросить – вдруг дали бы? Сейчас уже поздно, конечно, туда бежать и искать того продавца...

– Да уж, поздновато, – зевая, сказала Марина.

– Придется рисковать! – решительно заявил Морис. – Будем надеяться, что и в самом деле картина не является национальным достоянием Французской Республики. Но... Может, тебе поехать завтра с Алёной в аэропорт? Вдруг ее тормознут на таможне, тогда ты картину заберешь. Иначе она просто пропадет – будет конфискована, или, если вещица симпатичная, ее кто-нибудь элементарно свистнет, положив на нее глаз.

Последние слова он произнес по-русски, и Марина засмеялась. Что и говорить, ее супруг относился к жизни весьма трезво, прекрасно понимая – ибо был женат на русской, – что вовсе не все пороки мира сосредоточены в так называемой Империи Зла, что в *douce France* их тоже хватает. Причем с избытком!

– Ты прав, надо поехать, – согласилась Марина, и в голосе ее против воли прозвучала тоска, ибо встать в половине шестого, чтобы выйти из дому в шесть, было для нее, типичной совы, мукой мученической. Хорошо Алёне и Морису, они оба жаворонки, оба Девы... Как пелось в старинной песне, «оба молодые, оба Пети, оба получили ордена»!

Эту тоску уловила Алёна.

– Смотри, разбуди меня, как проснешься, а то я не встану, – велела Марина, чмокая подружку перед сном. – Договорились?

– А то! – самым честным на свете голосом отозвалась Алёна и тоже поцеловала Марину. – Спасибо тебе, дорогая моя. Морису и девочкам три тысячи моих поцелуев.

– Ну, завтра мне напомнишь, сколько именно тысяч, – сонно улыбнулась Марина. – Все, спокойной ночи, а то я сейчас прямо тут, на коврике, усну.

– Иди, иди, – замахала на нее Алёна и подумала, что Марину утром ждет сюрприз.

Ну разумеется, Алёна не станет ее будить! Вот еще не хватало. Пусть девочка отдохнет. Когда рядом постоянно два таких маленьких веретена, как Лизочка и Танечка, особо не поот-

⁴ Об этом можно прочитать в романах Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом» и «Ведьма из яблоневого сада», издательство «Эксмо».

дышаешь. Завтра Марина вернется в Мулян, и опять начнется круговерть обыденности и повседневности. Пусть же хоть одно утро поспит спокойно.

А картина... В конце концов, даже если на нее польстятся таможенники, такова, значит, ее горькая доля. В данном случае местоимение «ее» опять же имело отношение как к картине, так и к Алёне. Ну, польстятся. Ну, отнимут. И что? На «Продавщицу цветов» ведь потрачены не последние пятьдесят евро из кошелька писательницы Дмитриевой! Да, не последние, а предпоследние. Вообще, между нами говоря, кошелек этот мог быть и более тугим, но надо благодарить господ бога за все его милости, даже самые незначительные... В самом деле, бывает и хуже. А пока Алёне хватает и на поездки во Францию, и на всякие мелочи, разным образом жизненно необходимые, вроде занятий шейпингом и аргентинским танго, и абсолютно никчемные, как, скажем, картина, написанная неведомой Мадлен-О Х.

Пусть художницу никто не знает, пусть качеству письма далеко до ренуаровского, зато в картине было очарование. И в ней крылась какая-то тайна, Алёна это чувствовала всем существом своим, наостренным на раскрытие всяческих загадок.

Она немножко подумала о том, где повесит картину. Вообще вопрос сей непростой. Потому что за жизнь всевозможных картин у Алёны накопилось преизрядное количество, на стены невозможно взглянуть, чтобы не натолкнуться на полотно. Потолок, правда, оставался пока свободен. Ничего, найдется место и на стенах, можно чуточку раздвинуть там и там... Скажем, «Лошади и ветер» повесить чуть ниже, а «Лиловый закат» и фотографию, на которой писательница Дмитриева запечатлена танцующей, чуть правей. Вот и найдется место на стенке рядом с письменным столом! Только будут ли сочетаться цвет и форма рамок? Алёна как-то не обратила внимания на оформление своей замечательной покупки. Вроде какой-то довольно замшелый багет... В крайнем случае раму можно сменить, а может, все и обойдется, не придется менять. Ужасно захотелось распаковать картину и посмотреть на нее и на рамку еще разок, но тут Алёнины силы кончились, и она уснула раньше, чем успела шевельнуть хоть пальцем. «С утра пораньше посмотрю», – еще подумала она. Или ей это только приснилось.

Однако с утра пораньше, понятно, оказалось не до посмотреть, что поймет каждый, кто хоть раз собирался на ранний рейс в аэропорт. Непременно ведь начинается сущая свистопляска по какой-нибудь столь же ерундовой, сколь и важнейшей причине. То неизвестно куда подеваются, к примеру, паспорт или билет, то сломается колесико у чемодана-тележки, то «молния» на сумке разойдется, то оторвется набойка от каблука... Алёна Дмитриева в разные моменты своей жизни сталкивалась поочередно со всеми вышеперечисленными пакостями фортуны, однако сейчас бог их от нее отвел, но подкинул вот какую штуку: волосы нынче выглядели совершенно жутко. Ну вот, не зря она не любила ложиться с мокрой головой. Сейчас на голове не привычные веселые кудряшки, а пакля какая-то, плотно облепившая черепушку. И времени нет намочить волосы, чтобы они хоть чуточку завились снова! Ну ладно, как говорят, покорного судьбы влекут, а строптивного волокут. Конечно, Алёна не допустит, чтобы ее волокли. Она собрала волосы на затылке, защелкнула их заколкой, за ушами подбрала невидимками. Ну и что, и ничего страшного. То есть вообще-то страшновато, но терпимо, немножко можно и потерпеть, до Москвы как-нибудь доедет, все равно ее никто не знает. А в Москве будет время хоть чуть-чуть привести голову в порядок в каком-нибудь туалете, чтобы вернуться в привычное обличье перед тем, как сесть на поезд и начать ловить взгляды как поклонников своего творчества, так и поклонников своей красоты.

При мысли о последних настроении Алёны мигом улучшилось. Два ее самых постоянных кавалера уже заждались в Нижнем, закидали нежными эсэмэсками. Да и сама легкомысленная героиня наша тоже испытывала некое томление при мысли о своих мужчинах... ну, в смысле, чужих, ибо они оба были чьими-то мужьями, однако Алёна совершенно не собиралась мешать

их счастливой семейной жизни, а при случае даже помогала ее восстанавливать, причем порою – с риском для жизни⁵.

Вспоминая терпеливую нежность Андрея и изощренную изобретательность Дракончега (ну да, один из кавалеров носил такое затейливое прозвище), Алёна тихо-тихо, чтобы, не дай бог, до Марининой спальни не долетел звук защелкивающегося замка, вышла из квартиры, спустилась на тесном, как коробочка для флакончика духов, лифте в маленький крытый дворик, напоследок посмотрелась в огромное зеркало в холле (нет, честно, только французы могли придумать такую прелесть!) и вышла на рю Друо угол рю де Прованс. Теперь вперед, до Лафайет, там немножко пройти мимо знаменитых Галери, потом повернуть налево – и вот она, улица Скриба, замечательного драматурга, написавшего две совершенно волшебные пьесы: «Стакан воды» и «Адриенна Лекуврер», а также разные другие прочие, чуточку менее совершенные и волшебные. И вот Алёна уже села в зелененький автобус, и он тронулся, и писательница прильнула к окну, в очередной раз – неведомо, на сколько, может, навсегда? – прощаясь с любимым и прекрасным городом Парижем.

* * *

А на тех листочках было написано:

Конечно, в прошлый раз я слишком уж порезвилась. Мне вовсе не хочется открывать инкогнито. Подписывая картины, я намекала на свое подлинное имя, но это не более чем намек, который можно трактовать и так, и иначе. Может быть, на последней страничке рассказа о моей жизни я и подпишусь настоящим именем, а пока предпочитаю псевдоним и измененный почерк. Я ведь *gauchère*, левша, поэтому легко пишу левой рукой, и почерк вроде похож на мой обычный, но в то же время не похож.

Тончайшие листочки, которые я выбрала, тоже очень удобны – конверт с моими записками почти невесом. Почему для дневников все всегда выбирают увесистые тетради в толстых кожаных обложках с застежками, которые так и тянет открыть, чтобы заглянуть внутрь? Не люблю увесистой бумаги. Мне очень нравится тонкая американская бумага для папирос. Маларме вообще не считал бумагу единственным материалом для поэта, он писал свои стихи где только мог – на веерах, на чайниках, на зеркалах, на манжетках, на платочках, будто старался оставить след своего творчества на самой жизни. Мне, конечно, далеко до Маларме, да и темы у нас разные. Ну и разный материал, само собой. Я покупаю бумагу в табачной лавке, и дурень приказчик, который вечно пялится в мое декольте, убежден, что я курю самодельные папиросы. Он то и дело пытается всучить мне машинку для набивания гильз, уверяя, что, если я буду набивать гильзы пальцами, мои прелестные миндалевидные розовые ногти некрасиво пожелтеют. Его глупость меня умиляет. Единственное неудобство, что мне приходится покупать специальные американские чернила, которые не просачиваются на обратную сторону тончайших листков. Ну и, само собой, не обошлось без американской же автоматической ручки. Французские в этом смысле чрезвычайно нехороши, чернила из них вытекают, бумага промокает, и текста не разберешь. А мне так хочется иметь возможность иногда перечитывать мои *opuses frivoles*!

Разумеется, я не таскаю листочки с собой в сумочке. Еще не хватало, чтобы мой муж, которого, несмотря на полное равнодушие ко мне, все же иногда начинает одолевать маниакальная ревность, или мой не в меру любопытный *fiils* вдруг забрались в сумку и наткнулись на эти записки. Такой *affront* я просто не вынесу. К тому же тогда в руки моего мужа попадет сильнейшее оружие против меня. Поэтому я и устроила миленький тайничок под охраной моей любимой *église Madeleine* и пока чувствую себя в полной безопасности.

⁵ Читайте роман Елены Арсеньевой «Лесная нимфа», издательство «Эксмо».

Именно там, на площади Мадлен, около восхитительной церкви, ко мне пришло ощущение своего истинного призвания. Я подумала: какого черта я влачу столь жалкое существование? Какого черта я всего лишь истеричная, вздорная, ревнивая тень своего прошлого? Разве такой я была в тринадцатом году, когда мы встретились с N и он сошел из-за меня с ума? Дело не только в том, что двадцать два года назад у меня вовсе не было морщинок у глаз и груди мои были гораздо более тугими, чем теперь. Ведь он влюбился не только и не столько в мою необычную для его южного глаза славянскую красоту. Он влюбился в меня потому, что я прекрасно танцевала, жила собственной жизнью, непостижимой для него. Пусть я не была великой артисткой, как Карсавина или Павлова, пусть танцевала в кордебалете, однако каждый раз на сцене я проживала некую иную жизнь, параллельную той, которая была доступна для всех. Именно тайна, вернее – многочисленные тайны, которыми я владела, и пленили его. Потому он и захотел завладеть мною, что мечтал их открыть.

Конечно, если бы он смог затащить меня в постель, то сделал бы это. Ведь он мужчина – раз, испанец – два, и он истинный *fils de son époque*...

Но я не соглашалась. И Д., наш великий босс, помню, предупреждал его: «Осторожней с русскими девушками... На них надо жениться!» Вот и вышло все так, как я сочинила в своем стишке:

Жила одна девчонка, любила танцевать.
И жил один художник, хотел ее...

Нет, заменим:

...хотел он с ней гулять.
Она не соглашалась ему отдать себя,
А он не мыслил жизни, девчонку не... любя
(скажем так).
И вот они однажды пошли и обвенчались...
Ах, многие несчастья вот так же начинались!

Но тогда, разумеется, мне казалось, что мы, выйдя после венчания в русской церкви на rue Dagu и сев в золотой автомобиль самой дорогой марки, едем напрямик к счастью. И даже когда его матушка (сухая ведьма, сухая и смуглая, как черный карандаш) предупредила меня: «Мой сын не может сделать женщину счастливой, он принадлежит только самому себе и никогда никому не подчинится!» – я ей, конечно, не поверила. Мне казалось, что я укротила черноглазого и черногривого льва.

Он был невыносимо горд, когда после первой брачной ночи обнаружил, что я сохранила девственность. И это несмотря на то, что была балериной и ежевечерне задирала ноги перед огромным количеством мужчин!

Потом, спустя некоторое время, мне случайно попался на глаза старый, еще начала XIX века, выпуск «*Petit journal de Palais-Royal*», и я прочла там совершенно невероятное объявление: «Продается девственность девицы Лефевр, молодой певицы из певческой школы, принятой в Opéra на прошлую Пасху. Обращаться по данному поводу к матери, Porte-Saint-Martin».

Клянусь, мне показалось, что я прочла объявление о самой себе! «Продается девственность русской актрисы... обращаться к ее матери...»

Разумеется, мне неизвестно, сколько получила маман m-lle Лефевр за невинность своей дочери, но то, что мы с моей маман значительно продешевили, я точно знаю!

* * *

Самолет в Москву отправлялся из терминала Е2. Причем уже не в первый раз. Видимо, теперь так будет всегда. Сначала, когда место регистрации только поменяли, Алёне этот Е2 казался каким-то нелепым и неудобным по сравнению с прежним В2, а теперь она уже привыкла к его простору и долгим переходам, к роскошным бутикам, разбросанным здесь и там, ко всей атмосфере небрежной роскоши, которая в новом терминале особенно была по глазам. Но очереди на регистрацию имелись и здесь. Хотя, впрочем, как и в других терминалах, проходили весьма быстро. То есть становишься в хвост очереди из сотни, а то и больше людей, которые в одночасье намерились лететь, скажем, в Москву, Киев, Лондон или Кейптаун, а минут через десять, поизвивавшись по импровизированным коридорам, огороженным изящными стойками, оказываешься напротив любезнейшего регистратора, расстаешься со своим багажом и уже налегке идешь себе на таможенный досмотр.

Проходя между стойками и волоча за собой сумку на колесиках, Алёна от нечего делать позевывала, глазела по сторонам и ненароком обратила внимание на толстенького, приземистого мужчину лет сорока, который сновал туда-сюда вдоль очереди пассажиров, внимательно присматриваясь к их багажу. С таким деловым видом – и одновременно как бы невзначай – обычно прохаживаются сотрудники службы безопасности аэропорта. Однако этот человек был слишком суетлив. Вдруг он так стремительно бросился к высоченному негру с перегруженной багажной тележкой, что даже поскользнулся и упал на колени. Любезные французы, а может, и не французы, стоявшие рядом, помогли ему подняться, а негр тем временем покати́л свою тележку к освободившейся стойке регистратора.

«Интересно, куда он летит? – подумала Алёна, рассеянно глядя, как негр ставит на весы три чемодана, две сумки и два черных пластиковых пакета, точно таких же, как тот, в котором она везла свою картину. – В Кейптаун? В Лондон? Что же можно везти из Парижа в Кейптаун и Лондон в таком количестве?! Нет, наверное, он направляется в Москву или в Киев. А что делать негру в Москве или в Киеве? Да мало ли... Работать подрядился, к примеру. Или, очень может быть, у него там русская или украинская жена, вот и везет французские подарки».

Подумав так, наша героиня тихонько хмыкнула, ибо словосочетание «французские подарки» было также и эвфемизмом, который вызвал у нее в памяти другой эвфемизм – «изделие номер два». Полезность сего изделия Алёна, конечно, признавала, но сама его терпеть не могла и старалась избегать контакта с ним. Может, кстати, ее кавалеры так любили секс с ней именно потому, что никаких преград в нем не было.

Нет, ну в самом деле, безопасность безопасностью, но насколько же теряется острота и нежность ощущений при соблюдении всех ее норм! Что тут можно сказать? Если бы люди не блудодействовали на стороне, а любили только своих официальных половинок, они могли бы вообще забыть про изделие номер два. Ах да, часто же еще предохраняются от ненужного зачатия... Но ведь существуют и другие способы контрацепции, гораздо более щадящие в смысле сохранения приятностей чистого, незащищенного, открытого и доверительного секса!

Мысли Алёны самым естественным образом свернули на стезю, выражаясь фигурально, порока. И было бы странно, если бы этого не произошло, честное слово. Поскольку, с ее точки зрения, данный порок был самый приятный в мире. Конечно, кто-то может с ней не согласиться и назвать массу других, но... Тут уж каждому свое. Или, как поется в песне группы «Ленинград»: «Лично я бухаю, а кто-то колется».

Мысли Алёны, словно распалившиеся кузнечики, вновь скакнули к человеку, который продолжал шнырять вокруг пассажиров, ожидающих регистрации. «А может, дядька, как специально натасканная собака, вынюхивает наркотики? Или, к примеру, взрывчатку. Хотя нет, вид у него какой-то подозрительный. Эти усы, хищный профиль, взгляд исподлобья... Такой

как раз сам может взрывчатку подложить. На исламского террориста он мало похож, а вот на корсиканского – очень даже!»

Для тех, кто не знает: Front de Libération Nationale de la Corse, Национальный Свободный фронт Корсики, – очень серьезный гвоздь в сапоге французов. Он требует признания «народа Корсики» (по французским законам все граждане страны считаются французами) и отделения от Франции. В подкрепление своих требований корсиканцы порой устраивают весьма нешуточные теракты. Эхо их, насколько знала Алёна, докатилось однажды даже до Муляна!⁶

Правда, это произошло еще до того, как наша писательница начала ездить в «криминальную деревню», о чем она отчаянно жалела. Как же, «ушел на сторону» такой материал для романчиков-детективчиков! Мало ей было собственных приключений, бедолаге, так она еще что-то норовила наклепать на свою голову...

Хоть, как пишут газеты, террористы Корсики теперь все больше ведут междоусобные войны, деля сферы влияния на рынке торговли наркотиками, все-таки вид у «шнырялы» был и в самом деле подозрительный, что в конце концов привлекло внимание секьюрити. К мужчине подошли двое полицейских и вежливо, но непреклонно начали что-то говорить, почти незаметно оттесняя его от очереди.

«А может, он вовсе даже не террорист, а просто-напросто воришка, и уже присмотрел себе богатую добычу», – подумала Алёна, провожая глазами «шнырялу», который явно не хотел уходить, все оглядывался, бросая алчные взгляды на тележки с багажом.

Но тут подошла ее очередь регистрироваться, и «корсиканец-террорист-воришка» был забыт.

Алёна сдала в багаж чемодан, оставила только сумку, висевшую через плечо, и картину, которую она перед выходом из дома для пущей сохранности поместила еще в один пакет, столь же внушительных размеров, как и «родной» черный, но только белого цвета, с витиеватой надписью «Galeries Lafayette», от которой у любой женщины начинает быстрее биться сердце, и направилась к стойкам паспортного контроля. Но тут взгляд ее упал на указатель с саκραментальными фигурками, женской и мужской, и Алёна свернула в том направлении. Попросту говоря, решила зайти в туалет.

Почти все туалеты в секторе Е2, особенно на территории посадочных залов, захованы в каких-то закоулках, к которым надо пробираться окольными путями. Наверное, сделано так из эстетических соображений, но для пассажиров их местонахождение вряд ли удобно. Поэтому Алёна решила воспользоваться случаем и посетить туалет, до которого надо идти не через пять, к примеру, коридоров, а всего через два. И, едва свернув в первый, она снова увидела «корсиканца». Тот стоял у стенки и что-то горячо втолковывал худому человеку, который слушал его, сгибаясь почему-то в три погибели и пряча лицо в воротник белой куртки.

Приблизившись, Алёна услышала, как «корсиканец» воскликнул зло:

– Сам все это устроил, вот теперь иди и ищи сам!

– Да как? – столь же зло пробурчал человек в белой куртке. – Меня сразу в полицию заберут! Что я могу сделать?

– Делай что хочешь, но хоть что-то делай! – рявкнул «корсиканец». – Не стой здесь!

Он оттолкнул человека в белой куртке от стенки, и Алёна мельком увидела его лицо... с подбитыми глазами. Немудрено, что худой боится полиции! С такими синяками у него просто уголовно наказуемый вид!

Заметив, что кто-то идет, человек в белой куртке поспешно отвернулся к стене, а Алёна, которая не любила ставить людей в неловкое положение, прошмыгнула в туалет.

Когда она вышла, ни «корсиканца», ни его избитого сотоварища в коридоре уже не было. Видимо, ушли делать свои загадочные подозрительные дела. Вернее, делишки.

⁶ Подробнее читайте в романе Елены Арсеньевой «Повелитель разбитых сердец», издательство «Эксмо».

Впрочем, наверное, ничего в них подозрительного на самом деле не было, ведь отпустили же полицейские «корсиканца». Конечно же, Алёна просто напридумывала на его счет. Как будто своих забот ей не хватает! К примеру, вспомнилось, что, мельком глянув в зеркало, она только что убедилась: гладкая прическа с заколкой не идет ей просто клинически, делает ее сущей уродиной. Наша героиня уже совсем было вознамерилась вынуть заколку, вернуться в туалет и смочить волосы, чтобы они завились привычными кудряшками, но спохватилась – идти по аэропорту с мокрой головой как-то... ну, мягко говоря, неавантжно.

Убеждая себя в том, что просто свет был неудачный, слишком уж неоновый, мертвенный и потому мертвящий, Алёна поспешила дальше. По пути она зацепилась за чью-то багажную тележку, брошенную посреди зала, и порвала пакет «Galeries Lafayette». Пришлось со вздохом глубокой печали снять его и дальше нести картину только в черном, непрезентабельном. Да шут бы с ней, с непрезентабельностью, главное, что защита плохая!

«Ладно, – утешила себя Алёна, – потом двину в «дьюти фри» покупать «Бейлис» и «Мартины» и там попрошу лишний пакет. Или куплю его, на худой конец, если будут жмотиться и даром не дадут».

Надо заметить, что писательница всегда, возвращаясь из Франции, покупала в аэропорту несколько пластиковых бутылочек своего любимого «Бейлиса». Цена по сравнению с российской просто никакая, а пластик везти легче. «Мартины бянько», к сожалению, еще не додумались производить в пластике, и все равно цены в «дьюти фри» и в российских магазинах – небо и земля!

Алёна прошла цепью очередных коридоров и обнаружила, что, конечно, перед будочками пограничников тоже стоит очередь. Правда, она совсем даже не стоит, а непрерывно движется. И тут Алёна снова увидела человека в белой куртке. Его подбитые глаза на сей раз оказались закрыты огромными солнечными очками, и вид у него теперь сделался весьма пристойный и даже где-то законопослушный. У ног его стоял чемодан, а сам побитый говорил по мобильному телефону. Ну, надо думать, он уже начал делать то, чего хотел от него «корсиканец», и больше по физиономии не схлопочет.

«Интересно, какие у них дела? – подумала Алёна. – Чего они не поделили? Тут какая-то тайна... Эх, жаль, что мне сейчас лететь, я бы разведала, а потом романчик на эту тему написала!»

Следует заметить, что наша героиня была по гороскопу Дева, а значит, отличалась редкостной практичностью. Вообще по жизни мало что проходило мимо ее цепкого внимания, чтобы не быть впихнуто в какой-нибудь романчик. И можно себе вообразить, чего только она не насочиняла бы относительно «побитого» и «корсиканца», окажись у нее хоть минута свободного времени! Однако ни единой минуты у нее не было – просто потому, что настал ее черед подойти к пограничнику и протянуть в его окошечко свой паспорт. И тут оба странноватых персонажа были ею забыты, потому что пограничник взглянул на ее паспорт, потом на нее – и размеренно, непреклонно покачал головой, как бы говоря: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...»

* * *

А на тех листочках было написано:

Впрочем, он вовсе не был жадным, мой N, в те далекие времена. Все, что у него было, готов был мне отдать. А было у него не слишком-то много денег на цветы да еще неистощимая, безумная страстность. Он осыпал меня розами, носил на руках и каждую минуту норовил на что-нибудь завалить или пристроиться сзади – почему-то больше всего ему нравилось заниматься любовью в этой позе. Черт его знает, кем он себя воображал, может быть, матадором, который поставил перед собой на колени быка...

Мой муж говорил: «Я испанец, а у нас месса утром, коррида после полудня и бордель поздно вечером». Ну что ж, в то время ему не надо было ходить в бордель – тот размещался у него дома и был открыт в любое время дня и ночи. Частенько бывает, что вся сексуальность художников и писателей сосредоточена в их кисти или ручке, которой они творят свои великие и не слишком великие произведения. Однако с N дело обстояло совсем иначе!

Еще он говорил, что в Испании мужчины презирают любодеяство, но живут ради него. Судя по нему, это была истинная правда.

Что и говорить, именно супруг привил мне страсть к плотской любви. Я изнемогала по нему... Когда он куда-то уезжал и не мог взять меня с собой (например, когда я была беременна... а я ужасно тяжело переносила беременность), я невыносимо страдала. Каждый день от него приходили письма, и, чтобы утишить тоску, я клала ночью эти письма себе на губы, на сердце и между ног, и мне снилось, что он целует меня, обнимает и занимается со мной любовью. Иногда я видела во сне, что он имеет других женщин, и тогда просыпалась, визжа от ревности. И радовалась, что это было только сновидение. Потом я узнала, что радоваться было очень глупо. Мои сны меня не обманули!

Ну что ж, теперь я отношусь к таким вещам спокойней. А тогда просто умирала от горя. Спустя годы я воспринимаю моего супруга всего лишь как мужчину, который подчиняется своей кобелиной, жеребьячей, петушиной природе.

Иметь бы десять тысяч членов,
Чтоб всех бабенок передрать!
Мужчинам можно все!
У них есть право почудесить,
У них есть право согрешить,
С красотками покурлесить,
Приличья крохи придушить.
А нам природа оставляет
Мужей покорно поджидать...
Иль, в тайне это сохраняя,
От них гулять, гулять, гулять!

Ну, разумеется, я далеко не сразу пришла к этой мысли. Сначала для меня не существовало никого, кроме N. Мне нравилось в нем все, и даже его мелкая, немужская зависть к И.С., великому композитору и великому денди. N просто с ума сходил, так ему хотелось иметь такие же панталоны горчичного цвета, какие были у И.С.! Но он забывал, что такие панталоны нужно не только иметь – еще нужно *уметь* их носить. Меня ужасно трогало, что мой муж мечтал выглядеть этаким мсье Рюбампре из «*Illusions perdues*»⁷ Бальзака, и я его всячески поддерживала. Однако подлинной элегантности он так и не смог приобрести. И навсегда остался испанским матадором. Впрочем, это не помешало ему стать знаменитым – и сделать меня несчастной.

* * *

Алёна мигом ощутила себя виновной во всех преступлениях, которые были совершены в мире как минимум за последний месяц. Груз оказался тяжеловат даже для ее не слишком-то хрупких плечиков и заставил склонить повинную голову. Алёна затравленно поглядывала на

⁷ «Утраченные иллюзии» (франц.).

окаменевшее в своей непреклонности лицо пограничника, который переводил пристальный взгляд с фотографии в ее паспорте на перепуганный оригинал.

«Купленная мною картина, конечно, какая-то ценность, – обреченно подумала Алёна. – Тот парень с авеню Трюдан ее украл в Лувре или в Музее Д'Орсе, а потом продал мне. Его схватили, и он меня выдал...»

Напомним, наша героиня была Дева, а значит, обладала логическим мышлением. Вышеназванное немедленно подсказало, что картина, похищенная из Лувра или Музея Д'Орсе, вряд ли могла продаваться на крохотном пюсе за пятьдесят евро. Кроме того, продавцу было бы затруднительно выдать Алёну, потому что он не знал ее имени. Правда, она вроде бы обмолвилась, что утром улетает в Москву и потом едет в Нижний Новгород. Улететь в Москву можно только из аэропорта Шарль де Голль, и если проверить данные списка пассажиров, то не так уж много среди них окажется нижегородцев. То есть в принципе, задавшись такой целью, выследить ее все же было можно...

Да ну, чушь какая лезет в голову! Непременно она измыслит всякую детективщину. Или, выражаясь по-французски, криминальщину. Наверняка дело в чем-то другом.

Действительно, возможно. Но все же в чем в другом?!

Мучиться неизвестностью Алёне пришлось очень недолго. Пограничник, не спуская с нее бдительного взора, позвонил по телефону и попросил какую-то Элизу. Спустя мгновение около Алёны возникла огромная по всем параметрам негритянка в форменной темно-синей одежде. Она одарила писательницу такой широченной улыбкой, что у той затряслись коленки. Во рту Элизы оказалось какое-то переизбыточное количество белоснежных и острейших зубищ, и со своей улыбкой она напоминала великаншу-людоедку, вознамерившуюся оказать особое расположение белой пленнице...

Взяв паспорт Алёны, Элиза некоторое время переводила взгляд с него на нашу героиню, словно собиралась удостовериться, что объект ее аппетита в самом деле принадлежит к самой вкусной (а не только самой красивой!) расе.

– Мадам Ярючкин, – промолвила она наконец (надо сказать, что, хоть в литературе детективщица и была известна как Алёна Дмитриева, мирское имя ее было Елена Дмитриевна Ярушкина... или «мадам Ярючкин» в людоедской транскрипции Элизы), – не могли бы вы распустить волосы?

Алёна растерянно моргнула, с трудом удержавшись от того, чтобы не поинтересоваться: «А вы не подавитесь ими, когда будете меня есть?», но вовремя вспомнила об уважении к форме представителей закона и потянула с головы заколку. Причем немедленно вспомнила, как выглядит с прилизанной головой, – и почувствовала себя самой уродливой и самой несчастной женщиной в мире. Поставив сумку с картиной к ногам, она принялась ерошить волосы, силясь придать им хотя бы подобие прежней пышности и кудрявости, бормоча какую-то ерунду о том, что помыла на ночь волосы, чего, конечно же, делать нельзя, и вот... Спустя минуту сообразила, что бормочет по-русски и Элиза вряд ли хоть словечко понимает из ее оправданий. Однако женщины всех племен (в том числе и людоедских) живут одними проблемами. Элиза оглядела разлохмаченную Алёну, снова перевела взгляд на фото, а затем милостиво кивнула:

– Все в порядке, мадам Ярючкин. Проходите, а то эти господа вас ждут.

Мадам оглянулась. Господа (а также, очень возможно, и товарищи) пассажиры в довольно большом количестве нетерпеливо переминались с ноги на ногу, поглядывая на нее, мягко говоря, укоризненно. Какая-то дама поджала губы, встретившись глазами с Алёной, какой-то парень лет тридцати (любимый возраст нашей героини!) весело подмигнул ей, мужчина солидного вида посмотрел с интересом... И тут писательница наткнулась взглядом не на глаза, а на какие-то узкие щелочки. Да ведь это тот самый, побитый... Он снял очки и теперь выглядел жутко. Ну просто персонаж триллера! Неудивительно, что на него, точно коршуны, налетели

секьюрити, подхватили под белы ручки и куда-то поволокли, а мужчина изворачивался и что-то выкрикивал в телефон, который прижимал ко рту... Ни слова Алёна не разобрала. Да и задачу перед собой, если честно, такую не ставила. Она взяла свой паспорт, подхватила сумку и поспешила туда, где перед таможенниками и их транспортером покорно разоблачались пассажиры, желающие улететь из сектора Е2 аэропорта Шарль де Голль.

Наверное, все эти меры безопасности оправдываются, но боже ты мой, сколько народу ощущало себя в процессе их осуществления не просто идиотами, но и идиотами, над которыми втихомолку ржут все те, кто заставляет их разуваться, снимать ремни и заколки, выворачивать карманы, задирает майки, рубашки и свитера, потрошить самые тайные закоулки своих сумок, а если надо – и портмоне... Но деваться некуда. Раньше говорили, мол, в бане все равны, а теперь можно добавить – в аэропорту перед секьюрити.

Алёна, даром что паспортный контроль прошла, совершенно не успокоилась. Еще ведь нужно предъявить картину для таможенного досмотра...

Первым делом наша героиня вновь забрала волосы заколкой и приколола торчащие хвосты над ушами невидимочками. А потом начала совершать обряд безопасности. Разулась, сунула туфли в лоток, в другой бросила плащ. Водрузила на транспортер сумку, достав оттуда мобильный телефон и свой любимый маленький, но такой боевой и верный нетбук, а рядом поставила пластиковую сумку с картиной, рысью пролетела через рамку, которая, к счастью, даже не пикнула, и взволнованно уставилась на транспортер.

Вот вещи Алёны, составленные плотно одна к другой, поползли перед монитором... и транспортер замер.

«Черт, я так и знала...» – подумала наша героиня печально.

– Мадам, – вновь возникла перед ней необъятная Элиза и улыбнулась по-прежнему широко, хотя в улыбке ее скользила укоризна, – сожалею, но вам придется сдать не разрешенный к вывозу предмет.

«Эх, ну почему я не разбудила Марину? Пропала моя «La vendeuse de fleurs à la place de la Madeleine»...»

– Не разрешенный к вывозу предмет? – тупо повторила Алёна, мысленно прощаясь с тусклым серым деньком, благородными колоннами церкви Мадлен и буйством цветов на тележке.

– Да, нож, который лежит в вашей сумке. – Элиза кивнула на монитор.

Облегчение было таким сокрушительным, что Алёна громко расхохоталась:

– Да у меня нет никакого ножа!

– Как нет? – обиделась Элиза. – Вон он лежит в вашей пластиковой сумке, в той, где картина. На мониторе это отлично видно.

Алёна сделала глотательное движение – совершенно нервическое. И пробормотала:

– Чудеса какие-то... Не было у меня ножика, клянусь. Зачем он мне?!

Ножика у нее и в самом деле не было. Летая минимум дважды в год за границу, она по рассеянности не раз оставляла в косметичке маникюрные ножницы – и прощалась с ними навеки в зоне таможенного контроля. Теперь первым делом, едва начиная собирать вещи, Алёна перекладывала ножницы на дно чемодана, чтобы они совершили перелет в багаже. А никаких ножей у нее и в самом деле отродясь не водилось.

Высокий мужчина в мятом, но при этом почему-то невероятно элегантном сером костюме, прошедший через рамку металлоискателя вслед за Алёной и теперь рассовывавший по карманам мобильник и ключи, неприятно, как-то вымученно ухмыльнулся:

– Покайтесь, девушка, покайтесь! Зачем вам перочинный ножик в самолете? Маникюр делать? Винные бутылки открывать? Придется потерпеть до Москвы.

Алёна посмотрела на него, тупо моргнула, отметив, что пассажир говорит по-русски, и перевела беспомощные глаза на Элизу.

Лицо той имело непреклонное выражение типа: «Я вас все равно съем!» Черная сумка с картиной выехала из коробки таможенного «телевизора», и Элиза повелительно кивнула на нее. Как во сне, Алёна сунула туда руку, пошарила на дне... и тихонько вскрикнула, словно схватилась за змею.

Да что змея! Она схватилась за перочинный нож! И вынула его – довольно большой, с красной гладкой рукояткой, с забавным фирменным значком – белым крестиком в белой же рамочке – и кнопкой сбоку. Стоило на нее невзначай надавить, как из ножа со щелчком высыпалось множество лезвий, в числе которых, между прочим, оказались маникюрные ножнички, и щипчики, и пилочка, и открывашка для бутылок, а также штопор и даже, как показалось Алёне, крестовая отвертка.

– Ну вот! – воскликнула Элиза как бы даже с облегчением. – Теперь вы видите, мадам? Видите?

Алёна видела, само собой, на то глаза и дадены человеку, чтобы видеть, но при этом продолжала ничего не понимать. Нож был не ее, отродясь у нее такого ножа не было. Может, ножик Маринин? И она по ошибке, собираясь, сунула его в сумку? Да нет, все просто! Пока Алёна стояла в очередях на регистрацию или на паспортный контроль, кто-то из ее соседей-пассажиров нечаянно уронил нож, и тот упал в Алёнин пакет.

Ну, довольно хилое объяснение, однако другое в голову не приходило, а главное, времени не было его отыскивать. Да и нужно ли? Нож не ее, ну и ладно. Что называется, была без радости любовь, разлука будет без печали! Алёна отнесла ножик тощенькому некрасивому арабу с сумкой в руках, который стоял в сторонке и смиренно, как нищий – подаяние, принимал в сумку запрещенные для проноса в самолет предметы. Ножик обо что-то звякнул в бездне сумки, и Алёна поняла, что не она одна нынче проштрафилась перед службой безопасности.

– Мерси, мадам, – ласково сказал араб, и Алёна пожала плечами:

– Не за что! De rien!

Потом вернулась к транспортеру и начала собирать свое барахлишко, сваленное небрежной кучкой. Сунула компьютер в сумку, обулась, накинула плащ (от всей этой суеты утренней недосыпная дрожь усилилась, Алёна даже зубами постукивала порой) и двинулась прочь, смутно ощущая, что вроде бы чего-то у нее в руках не хватает...

– Мадам! Вы забыли! – вдруг услышала она голос Элизы, причем отчетливо ощутила в нем усталые интонации доктора, который общается с безнадежной пациенткой.

Обернулась – и узрела в руках людоедки черный пластиковый пакет.

– О боже, картина! – воскликнула Алёна, радостно хватая пакет. Но тут же разжала руку – и он мягко спланировал на пол. – Это не мое!

Наверное, не ее! Если бы она так уронила свой пакет с картиной, та громыхнулась бы весьма увесисто, а тут...

– Как не ваше? – удивилась Элиза, не поленившись согнуть свое могучее тело и поднять пакет. – У вас была картина, я отлично помню. Рядом с ней лежал нож. Картина и здесь!

И людоедка вынула на свет божий отпечатанную на довольно тонком листке картона репродукцию с известной картины Тулуз-Лотрека «Chat Noir», «Черный кот», которую продают в Париже натурально на каждом углу. Репродукцию продают, понятное дело, а не саму картину. Очень может быть, что каждый, кто хоть раз бывал в Париже, ее покупал. Покупала и Алёна, потом кому-то подарила... В принципе, репродукция ей не слишком нравилась, а без принципа, как говорится, и даром была не нужна. Даже в черном пластиковом пакете – совершенно таком, как тот, в котором лежала картина, купленная ею на авеню Трюдан... Между прочим, практически все продавцы сувениров и репродукций в Париже кладут свой товар

именно в такие пакеты – наверное, у них какая-то массовая закупка упаковочного материала происходит.

– Мадам, – укоризненно произнесла Элиза, – заберите ваш пакет и, очень прошу, не задерживайте меня больше. Из-за вас уже очередь собралась!

Алёна оглянулась – и увидела, что у транспортера в самом деле собралась немалая группа более или менее разутых и раздетых людей, которые поглядывали на нее с плохо скрываемым раздражением. Да что ж за напасть такая, второй раз она за утро становится причиной затора в аэропорту Шарль де Голль!

Делать было нечего. Алёна огляделась, тщетно надеясь найти свой пакет, потом приняла из рук Элизы «Черного кота» и грустно побрела прочь, едва не плача. Через несколько шагов писательница снова обрела способность связно мыслить и поняла, что, собственно, произошло. Какой-то другой турист, который проходил таможенный досмотр одновременно с ней, по ошибке прихватил ее картину. Вообще-то надо быть очень рассеянным человеком, чтобы не почувствовать разницы в тяжести, но всякое бывает, возможно, он просто очень сильный человек, которому все едино, нести пакет весом в пять килограммов или пятьсот граммов. Стоп! Ведь тот мужчина в сером костюме, который пошутил насчет ножичка, очень подходит под это описание. Такой громоздкий дядька и в самом деле мог не заметить, что схватил не свой пакет, особенно если задумался... С Алёной-то сплошь и рядом подобное бывало – она ничего не замечала, когда придумывала какой-то сюжет или... или когда была влюблена в Игоря... давно, сто лет назад, в другой жизни...

Может, мужчина в сером костюме тоже обдумывал сюжет (писателей нынче развелось неслыханно!) или, к примеру, был влюблен в Иго... Нет, не в Игоря, само собой, хотя кто знает, как зовут предмет его чувств. Нынче, как говорится, плюнешь в Дон Жуана, а попадешь в пи... в смысле в гея попадешь.

Ладно, хватит о глупостях, надо быстренько найти того дяденьку и произвести обмен.

Алёна заметалась по аэропорту. Заглянула чуть не во все бутики, облизнулась на пластиковые бутылочки с «Бейлисом», но сейчас было не до них... и, уже почти отчаявшись, вдруг увидела того, кого искала.

Точно он. В сером костюме. А в руке пластиковый черный пакет громоздких очертаний. – Мсье! – вскрикнула было Алёна.

Потом вспомнила, что мужчина говорил с ней по-русски, открыла рот, чтобы позвать его на языке родных осин, да и захлопнула, запутавшись при выборе обращения.

Нет, черт, а в самом деле – как окликнуть человека? «Эй, мужчина»? Алёна терпеть не могла употреблять это слово в качестве обращения, да она вообще его не любила – не по сути, нет, суть-то обожала, а чисто фонетически: оно ведь имеет внешнюю форму женского рода. Ну, бывают у лингвистов-профессионалов такие заморочки. Случались они и у Алёны Дмитриевой, писательницы. Простим безумство, разве это сокрытый движитель его? В смысле ее...

Итак, продолжим тему обращений к существу мужского пола. Товарищ – ликвидирован как класс. Гражданин – ну, мы не во времена Великой Французской революции (к счастью) и не в органах правопорядка (к счастью в квадрате!). Сударь? Обычно Алёну поднимали на смех, стоило ей ляпнуть свое любимое словечко. Господин? Вот разве что...

И тут нашей героине вдруг вспомнилось из недавнего прошлого, из несусветных 90-х годов минувшего столетия...

Алёна и ее бывший муж Михаил Ярушкин тогда заигрались в издательские игры – а что, надо же было как-то выживать! – с двумя своими приятелями, Виктором и Людмилой. Потом тернистые пути бизнеса их очень сильно развели, ну а сначала, как в песне, все делили пополам, от непомерных расходов до мизерных прибылей. Чуть ли не первыми книжками молодого издательства «Братья-славяне» (во как, знай наших!) были всякие сказки-байки – простень-

кие, в мягких обложках, а оттого дешевые до изумления. Наличка в те времена являлась такой же редкостью, как теперь, скажем... право, и не с чем сравнить поганый дефицит наличности тех незабвенных деньков, не создано достойного сравнения человеческим воображением. Короче, налички не имелось, а потребность в ней была. И дабы ее добыть – какова аллитерация? Конечно, не чуждый чарам черный челн, но тоже миленько! – Алёна и Людмила чуть ли не ежедневно отправлялись к Московскому вокзалу: торговать книжками с лотка, а попросту – со стола.

Отчего-то две долговязые красотки действовали на покупателей совершенно завораживающе. Людмила сверкала черными глазищами и неотразимо улыбалась, Алёна тоже сверкала, но серыми, и тоже улыбалась. А еще и надсаживалась:

– Господа! Книги! По цене двухсот граммов колбасы – сказки, которые ваши дети будут читать вашим внукам!

Ну и прочую рекламную белиберду несла, которую, собственно, никто не слушал. Но стоило ей прочувствованно воскликнуть: «Господа!», как обнищавший, замороченный, отчаявшийся бывший русский бывший советский бывший народ преисполнялся неведомых прежде чувств, ощущал связь с корнями и ветвями своего генеалогического древа – и начинал заботиться о детях и об их внуках. Книжки мели натурально метлой, отдавая торговкам последние рубли.

Таким образом Людмила и Алёна торговали недели две, приезжая домой усталыми, замерзшими и слегка пьяными – дело было в ноябре, так что приходилось периодически согреваться приснопамятным «Амаретто», омерзительным синильным, а вовсе даже не миндальным, которым тогда торговали на каждом шагу. Зато привозили просто-таки фантастическое количество вожделенной налички – к вящей радости своих супругов-содиректоров. Кончилась полоса везения совершенно неожиданно. Однажды, ближе к вечеру, когда девушки и замерзли больше обычного, и согревались адекватно, какая-то женщина с внешностью типа «учительница первая моя», услышав заплетающееся Алёнино: «Г-гис-па-да-аа!», воскликнула укоризненно:

– Да вы на себя посмотрите! Ну какие вы госпожи!

Девушки захохотали так, что уронили стол с разложенными на нем остатками книжек прямо в лужу. Впрочем, непритворные покупатели разобрали и подмоченный ассортимент – правда, частично бесплатно, поскольку Люда с Алёной впали в истерику от смеха и были просто не в силах соблюсти сохранность вверенного им имущества. Ну ладно, что упало, то пропало, дело известное. Хуже другое. Отныне смехунчик неудержимый начинал их обуревать при одном только звуке «г» из слова «господа». Пришлось перейти на «граждан», но это слово не имело столь магического воздействия на открывание кошельков. Граждане, в отличие от господ, деньгами сорить нипочем не желали, о будущих внуках не думали и отчетливо предпочитали колбасу сказкам. Так вот и сошла на нет уличная торговля. А слово «господа» с той поры всегда вызывало у Алёны особое чувство.

Проще говоря, она начинала хихикать.

Хихикнула и сейчас. И поперхнулась, и закашлялась, а «господин» в сером костюме тем временем свернул в боковой коридорчик. Алёна со всех ног ринулась следом – и успела увидеть, как он входит в какую-то дверь.

Писательница разогналась со всех своих многометровых ног, добежала до той двери, схватилась за ручку – и столкнулась с каким-то высоким человеком, который рывкнул:

– Куда лезешь? Здесь мужской!

Наша героиня опешила от хамства, отпрянула, взглянула на дверь... Да боже ты мой! На ней была изображена сакраментальная мужская фигурка. Вот куда скрылся похититель картины – в мужской туалет.

– А может, ты голубой... то есть голубая? – хохотнул дядька, и до Алёны только сейчас дошло, что говорит он по-русски.

А, ну тогда ничего удивительного ни в словах, ни в тоне его нет. И в том, что он проверяет, застегнута ли ширинка, уже выйдя из туалета, тоже нет ничего странного. Так делают все русские.

– Бабам сюда! – Тип ткнул пальцем на противоположную стену, где находилась аналогичная дверь с женской фигуркой, и отправился восвояси, а Алёна осталась стоять посреди коридора, как Буриданов осел.

* * *

А на тех листочках было написано:

Что и говорить, в Париже трудно удержаться от соблазнов! Мы жили в большой квартире на улице Ля Бовси, неподалеку от галереи, где выставались картины N, а этажом ниже находилась его мастерская. Муж не любил, когда я туда заходила. Говорил, что я его отвлекаю. Но я знаю: он просто стеснялся меня. Потому что однажды я застала его мастурбирующим перед неоконченным полотном. Извергнувшись, N набросился на работу просто-таки с невероятным пылом и на моих глазах закончил картину. А увидев, что я наблюдаю за ним, осыпал меня самой изощренной бранью и выгнал вон. Правда, ночью приполз в мою постель и после бурных, с оттенком извращенной жестокости, ласк, сказал:

– Ты не понимаешь природы творчества! В XVI веке жил художник-керамист Бернар де Палиси, который для поддержания огня в печи во время обжига бросал туда всю свою мебель. А лично я бросил бы в нее и жену, и детей, только бы горел в ней огонь. Поэтому ты не должна на меня обижаться.

Я представила себе эту картину – и меня уже тогда словно бы обожгло. Я поняла, что N говорит истинную правду: он и в самом деле ничего не пожалеет для картин, которые чем дальше, тем больше переставали казаться мне гениальными. Конечно, любовь все на свете переворачивает с ног на голову, но в то мгновение меня посетило страшное прозрение о нашей будущей жизни, о том, что супруг способен меня предать ради своих полотен.

Я заплакала, а N обиделся и ушел.

Куда? Спустя некоторое время я спустилась в мастерскую, однако его там не оказалось. Где он? Бродит по парижским ночным улицам? С кем-нибудь пьет? «Пошел в Авиньон», как его приятели называли публичные дома, намекая на извечную дурную славу старинного города?

Я не могла сидеть в квартире, накинула пыльник и тоже вышла на улицу. Впервые в жизни я шла по ночному Парижу одна. Можно было позвать такси, однако мне не хотелось. Чудилось: вот-вот из-за поворота выйдет мой муж, я брошусь к нему и скажу... Что? Я не знала что.

Так, не помню, через сколько времени, я вышла на площадь Мадлен и остановилась, совершенно измученная. Я стояла не со стороны Конкорд, а с противоположной, около невысоких ступеней, и вдруг ветер разогнал облака, и я увидела, что на ступеньках сидят и лежат несколько пар. Некоторые просто обнимались и целовались, а некоторые любодейничали, не обращая внимания на окружающих!

Это было ужасно, это было распутно, но я не могла отвести от них взгляда, и странный покой снисходил мне на сердце. При лунном свете все – и мужчины, и женщины – казались мне невероятно, нечеловечески прекрасными. Я понимала, что проститутки самого низшего разряда, не имеющие никакого, даже самого убогого, жилья, отдаются здесь случайным клиентам, однако не думала о низостях и грязи. Мне казалось, я смотрю какой-то невероятно прекрасный фильм, один из тех, которые порой удавалось увидеть в кинематографе «Etoile», хотя чаще всего там мельтешил в своих огромных башмаках нелепый Чаплин.

Я стояла, а в уме моем слагались строки:

О прекрасная площадь Мадлен!
Идеальный адрес греха.
Ночь тиха. Ночь тиха. Ночь тиха.
В это время взять душу в плен —
Делать нечего
Врагу рода человеческого.

С трудом я отвела глаза и подождала такси. Водитель смотрел на меня настороженно, словно хотел спросить, есть ли у меня с собой деньги, но, когда я назвала адрес, немножко успокоился, ведь район у нас был хороший. Каким-то чудом в кармане пыльника нашлись деньги.

Мужа моего в квартире все еще не было, но странным образом меня это мало волновало в ту минуту. Я легла в постель. Уснула мгновенно, и мне приснились стихи... стихи о проститутке, которая размышляет о Париже и о своей судьбе.

* * *

Впрочем, нет, все же на Буриданова осла наша героиня была не слишком похожа, ведь тот разрывался между двумя охапками сена, а она всей душой рвалась только к одной двери из двух. Алёна прекрасно отдавала себе отчет, что женщина, торчащая под дверью мужского туалета и поглядывающая на нее с вожделием, представляет собой... скажем так... эпатазирующее зрелище. Можно, наверное, скрыться в дамскую комнату и наблюдать за коридором оттуда. Хотя тоже картина будет еще та...

Вдруг зазвонил Алёнин телефон, и она радостно схватила трубку. Теперь у нее есть законный предлог торчать посреди коридора, ура-ура!

Марина принялась ругать подругу за то, что та ее не разбудила, Алёна многословно извинялась и объяснялась, нетерпеливо поглядывая на туалетную дверь. Почти сразу вслед за человеком в сером костюме в туалет вошел какой-то высокий худой мужчина в джинсах и просторной клетчатой рубашке навыпуск, а назад никто не появлялся.

– Ну и что там с картиной? – наконец спросила Марина. – К ней не придирались на таможне?

– Ни на секунду, – засмеялась Алёна. – Такое ощущение, что хоть весь Лувр вывози и Музей Д'Орсе в придачу!

Она не стала обременять подругу подробностями своих дурацких приключений. Зачем? Сейчас выйдет нечаянный похититель, этот человек рассеянный с улицы Бассейной, Алёна заберет у него свою драгоценность – и все уладится. Не нужно Марину лишний раз волновать: она сегодня вернется в Мулян, и там Лизочка и Танечка дадут ей для волнений тысячу и один повод, или Алёна ничего не понимает в детях. А пока пусть длится ее расслабуха.

Наконец Алёна с Мариной наговорились и простились, а человек в сером костюме все еще не появлялся. Может быть, у него расстроился желудок? Или, наоборот, не расстроился? Всякое, конечно, бывает, но как-то он уж очень долго там делает свои дела! Вон уже и посадку объявили, отчего Алёна немедленно пришла в паническое состояние. У нее всегда начиналась паника, если объявляли посадку, а ее в тот момент не было около нужной стойки.

«Да сколько можно, в конце концов!» – наконец подумала писательница возмущенно. Нет, ждать больше нельзя, надо войти. В кабинки, понятно, не соваться, а просто крикнуть что-нибудь вроде: «Господин в сером костюме, вы забрали мою картину! Пожалуйста, верните, а свою заберите! Мне пора на посадку!»

Может, это будет выглядеть глупо, но что делать? Ке фер?⁸ Правда, фер-то ке, как отчаянно спрашивал один из персонажей «Городка» Тэффи.

Короче, Алёна решилась, приблизилась к двери, потянула на себя ручку...

И отпрянула, потому что нос к носу столкнулась с выходящим из туалета человеком в джинсах и клетчатой рубаше, тем самым, который вошел несколько минут назад.

– Madame, c'est pour hommes! – сказал он с какой-то странной интонацией. – Vous là-bas.

Он махнул на дверь женского туалета и удалился.

– Сама знаю, что здесь только для мужчин и что мне туда, – буркнула Алёна. – Ладно хоть в голубые не записал!

И вслед за тем она решительно распахнула дверцу, уже готовая зажмуриться, если вдруг увидит кого-нибудь со спущенными штанами. Однако вместо того, чтобы зажмуриться, глаза ее широко распахнулись, ибо Алёна увидела черный пластиковый пакет, стоящий под раковиной. И наша героиня не раздумывая кинулась к нему. Ее пакет! *Ее картина!*

Алёна растерянно оглянулась. В туалете было тихо. Совершенно тихо. Наверное, тот самый, в сером, уже сделал все свои туалетные дела. Вот сейчас он выйдет, застегивая, по русскому обычаю, ширинку на ходу, да как заорет...

Алёна схватила пакет и ринулась прочь. В дверях – ну а как же! – врезалась в какого-то очередного представителя сильного пола, который, на сей раз по-английски, раздраженно сообщил:

– It is a man's toilet, to you there!⁹

Алёна молча кинулась прочь по коридору. А спустя несколько шагов вдруг заметила: что-то ей мешает. Да господи же! Вместо того чтобы оставить в туалете пакет с «Черным котом», она и его тащит с собой!

Ну, теперь уже кража получается. Надо избавиться от дурацкой картинки. Алёна огляделась. Увидела невдалеке импозантную вместительную урну и помчалась к ней. Снова огляделась. Ни души в обозримом пространстве (уже было сказано, что Шарль де Голль – очень обширный аэропорт, есть где разгуляться на воле, как сказал бы Михаил Юрьевич Лермонтов).

Писательница свернула чужой пакет в трубочку (предварительно пару раз заглянув в него и убедившись, что ошибка всяко исключена) и сунула в урну, но так, чтобы пакет торчал над краем. Алёне совершенно ни к чему лавры похитительницы чужого имущества! Тот человек в сером спохватится, станет искать свое добро... Конечно, он удивится, обнаружив Тулуз-Лотрека в урне, но загадку перемещения картинки ему факт не разгадать. Что ж, будет о чем размышлять по пути домой. Судя по тому, что мужчина говорил по-русски, он тоже летит в Москву. Надо будет постараться не попадаться ему на глаза – просто так, на всякий случай...

Именно этим и была занята Алёна все время, пока не оказалась в самолете на своем месте 23 Е. Но и тут она нервничала, пока более или менее не убедилась, что того пассажира в самолете нет. Все-таки, наверное, он летел не в Москву, а, например, в Киев, ведь там тоже еще чудом остались живы люди, которые говорят по-русски. А может, дядька отправился в Лондон или Кейптаун, где тоже имеют место быть подобные особи... А что? В наше время все бывает!

Самолет задерживался неведомо почему, вылетел на сорок минут позже, и Алёна сначала немножко позлилась, потому что любое опоздание лишало ее шанса попасть на удобный поезд до Нижнего, а потом злиться перестала – просто сил не было. Невыспавшаяся, изнервничавшаяся, она уснула, как только пристегнула ремни, и не просыпалась бы до самой Москвы, кабы не попался очень любезный сосед, который сначала разбудил её, когда разносили напитки (она машинально выпила апельсиновый сок и уснула снова), а потом – когда предложили завтрак.

⁸ От *франц.* que faire – что делать?

⁹ Это мужской туалет, вам туда! (*англ.*)

Впрочем, она никак не возражала – почему-то у детективницы всегда в самолете пробуждался жуткий аппетит, подьедалось все подчистую, и хотя на земле Алёна практически не ела хлеб, тут ей стоило большого труда не попросить добавку, поскольку своя порция уничтожалась мгновенно. Поэтому она любила, чтобы рядом сидел человек с хорошим аппетитом, а то ужасно неловко даме предаваться чревоугодию на глазах у какого-нибудь скучающего поборника здорового питания, который будет задумчиво жевать салатный листок, поглядывая на тебя с плохо скрываемым презрением.

На сей раз Алёне просто чрезвычайно повезло! Ее сосед, очень красивый, хотя избыточно субтильный молодой человек с невероятными черными глазищами и великолепными каштановыми кудрями, завязанными в хвост, обладал завиднейшим аппетитом. Добавку булочек он брал дважды!

– Почему в полете всегда так естся, не пойму? – сыто промурлыкал он, наконец – с видимым сожалением – наводя порядок на своем подносе, чтобы отдать его стюардессе. У него был странный голос, какой-то противоречивый: не то хриловатый, не то звонкий, не то низкий, не то высокий. – Вообще я ужасно привередлив: когда с девушкой моей идем в ресторан, официантов, бывает, измучаю вопросами, что за блюдо, как да из чего приготовлено, а тут мету все подряд. Может, со страху, как думаете?

– Вы что, боитесь самолетов? – спросила Алёна снисходительно.

Штука в том, что некоторая – и немаленькая – часть ее жизни прошла на Дальнем Востоке, а там полно мест, куда, как в песне, только самолетом (по крайности – вертолетом) можно долететь. Она привыкла к этому стремительному способу перемещения в пространстве и во времени (с учетом часовых поясов фантастика становится реальностью!) и терпеть не могла занудные, медлительные поезда.

– Да как вам сказать... – задумчиво протянул сосед. – Я довольно часто летаю, и непременно какая-нибудь пакость приключится. То рейс задержится, то кому-нибудь плохо станет в самолете, то...

– Дамы и господа! – раздался внезапно голос из громкоговорителя. – К вам обращается командир экипажа Сергей Пырьев (Алёна летела рейсом Аэрофлота). – В маршрут нашего следования внесены неожиданные коррективы. По метеоусловиям Москвы мы вынуждены изменить курс и совершить посадку в Нижнем Новгороде.

– Мать честная... – простонал сосед. – Я же говорил!

Что тут началось в самолете! Масса «как?», «почему?», «возмутительно!» и «по какому праву?!» обрушилась на беззащитных стюардесс. Одна Алёна сидела, с трудом сдерживая до неприличия расплывающийся рот.

Вот повезло! Ей просто необыкновенно повезло! В Москве она переживала бы, попадет ли на самый удобный поезд – в 16.55, который приходит в Нижний тем же вечером, ей пришлось бы тащиться с багажом из Шереметьева-2 на автолайне, а потом в метро, метаться по Курскому вокзалу, надеясь взять билет, а если бы не удалось, пришлось бы ждать другого поезда, ехать на другой вокзал... А тут! Да здравствуют все метеоусловия на свете, надвинувшиеся на столицу нашей родины столь своевременно!

Наша героиня втихомолку радовалась, пропуская мимо ушей многочисленные заверения в том, что Аэрофлот берет страдалцев-пассажиров под свое покровительство, обеспечит их питанием, а также, если в Шереметьеве их не примут до вечера, оплатит проезд поездом до Москвы. И вдруг Алёна заметила, что ее сосед под шумок (вот уж в прямом смысле слова!) достал запрещенный во время перелета к употреблению мобильник и читает сообщение. Он озабоченно покачал головой, убрал трубку и, перехватив взгляд соседки, тихо сказал:

– Все не так просто. Мне из Москвы сообщили, что с метеоусловиями там все отлично, но в Шереметьеве устроен жуткий шмон. Ищут бомбу. Кто-то позвонил в милицию и сообщил, дескать, на территории аэропорта заложено несколько взрывных устройств, причем часть

попала с багажом пассажиров в самолеты, ожидающие отправления. Можете представить, что сейчас творится в Шереметьеве! Понятно, что все борты, идущие на посадку, расписывают по запасным аэродромам. Главное, никогда ведь не знаешь, правдиво предупреждение о бомбе или это телефонный терроризм.

– Меня подобные шутки до белого каления доводят, – кивнула Алёна. – Ну ничего, вроде бы юмористов-дебилов научились по телефонным номерам вычислять.

– Сегодняшнего дебила вычислить трудно, – вздохнул сосед. – Звонок-то был международный, из Франции, из какого-то уличного парижского телефона-автомата. В Париже ведь еще автоматы на улицах сохранились, представляете?

– Да что Париж, – махнула рукой Алёна, – они в каждой французской деревне есть. Вот, скажем, я отдыхала у друзей в Муляне... это такая богом забытая деревенька близ Тонера, которая оживает только летом, зимой там вообще пять семей живет, ну, самое большее – шесть... так вот, там на главной площади, напротив мэрии, стоит телефонная будка, да еще с толстым справочником внутри. И справочник всегда – обновленный, самого последнего выпуска!

– Французы, – уважительно проговорил сосед, – цивилизованный народ. Цивилизованный! Не то что наше хулиганье!

– Ну, я думаю, хулиганья и там хватает, – обидевшись за родные палестины, заносчиво возразила Алёна. – Вы же сами говорите, что звонок насчет бомбы был из Парижа.

– Спорим, какой-нибудь наш хулиган и прикалывался! – воскликнул сосед, который, такое ощущение, не только не всосал святое чувство патриотизма с молоком матери, но и вовсе о нем не слышал. – Наш, отечественного разлива!

Алёна продолжала обижаться. У нее-то с наличием многократно охаянного чувства русского патриотизма было все в полном порядке. Так же, как с чувством национальной гордости и прочими девайсами гражданина (гражданки, вернее) великой страны России.

– Да бросьте вы! – ехидно сказала она. – Мне кажется, вы все заливаете, а я тут уши развесила. Откуда вы могли узнать, что звонок был международный? Откуда вы могли узнать, что он вообще был?!

– Я же говорю, – сосед похлопал себя по карману, куда убрал мобильник, – эсэмэска пришла. Меня в Шереметьеве девушка моя должна была встречать, ну и вот...

– Ага, ага, – с тем же ехидством перебила Алёна, – так в Шереметьеве и сообщили всем и каждому, что телефонный террорист звонил из Парижа!

– Всем не всем, – солидно произнес сосед, – а моей красотуле сообщили. Она ведь знаете кто? Жена командира подразделения «Антитеррор». Эти ребята ринулись по вызову в Шереметьево, ну а их командир позвонил жене, моей девушке. Вовремя позвонил, что характерно: барышня уже ехала как раз в аэропорт, чтобы меня встретить. Пришлось домой повернуть... А теперь меня в Нижний завезут, когда вообще встретимся?! Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... – вдруг пропел молодой человек, мягко говоря, не в тему, да еще и ужасно немзыкально.

Алёна только головой покачала. Вот это сюжет! Вот это совпадения! Надо записать, чтобы не забыть. Когда-нибудь она напишет романчик о жене командира, о ее любовнике, о самолете, улетевшем в Нижний... Надо только вплести какую-нибудь криминалку интересенькую. А впрочем, что еще вплетать, телефонный террорист – самая что ни на есть криминалка. Из Парижа позвонил, надо же! Может, и правда бомба в Шереметьеве? Ну, тогда дай бог, чтобы ее обезвредили и обошлось без человеческих жертв.

С такой мыслью Алёна снова уснула – и проснулась только от сообщения о том, что самолет совершил посадку в аэропорту Нижнего Новгорода.

Началась обычная суета, которая всегда случается перед тем, как пассажиры покинут самолет.

– Ага, есть новости! – воскликнул сосед писательницы, читая очередную эсэмэску. – Все почти уверены, что тревога ложная, шмон в Шереметьеве заканчивается, часа через два-три нас отправят домой.

– А я уже дома! – радостно сообщила Алёна. – Мне нужно будет забрать свой багаж – и бегом на такси. Так что в Москву вернетесь без меня.

– Слушайте, – подозрительно покосился на нее молодой человек, – а, часом, не вы устроили нам вынужденную посадочку? Скажем, кто-то из ваших французских друзей решил...

– Какой сюжет! – восхищенно всплеснула руками Алёна. – Какой сюжет! Я его обязательно где-нибудь использую!

– Где-нибудь – это где? – насторожился парень.

– Не волнуйтесь, – засмеялась Алёна, – все будет чинно-блинно. В детективе каком-нибудь.

– А вы, что ли, детективы пишете?! Нет, серьезно, вы – писательница?

Сосед осмотрел нашу героиню придиричиво и даже, можно сказать, недоверчиво. И в его черных, очень черных глазах, так похожих на глаза Игоря (только те сверкали и сияли, а эти были, напротив, матовыми), выразилось глубочайшее сомнение.

Алёна вздохнула. Вот так всегда: стоило ей проговориться, что она писательница, как подобное придиричиво-недоверчивое выражение принимали лица сплошь и рядом всех окружающих. И что там такое было с ее внешним обликом, она никак не могла понять.

– Слушайте... – протянул сосед. – А вы, часом, не Алёна Дмитриева?

– Да, – изумленно призналась Алёна. – Как вы меня узнали?!

– С трудом, – ляпнул молодой человек. – Вы что-то на свои фотографии совершенно не похожи. Я их нагляделся в большом количестве, поскольку девушка моя вас обожает. Она уверяет, будто вы написали сто книг. Правда, что ли?

– Очень может быть, – усмехнулась Алёна. – Я, честно говоря, давно со счета сбилась. Может, сто, может, девяносто...

– Тоже ничего себе, – почтительно кивнул собеседник. – Но на фотки – нет, не похожи. Я бы вас никогда не узнал с этой прической, если бы не профессиональное умение отделять основные черты от антуража.

– Нечто в таком роде я у Шерлока Холмса читала, – задумчиво произнесла Алёна. – В смысле у Конан Дойла.

– Верно, – кивнул сосед. – Необходимейшее качество для сыщиков!

– Вы, что ли, сыщик? – Теперь настал черед Алёны таращить глаза и придавать лицу придиричиво-недоверчивое выражение.

Молодой человек обиделся.

– Вот-вот, – кисло сказал он, – почему-то все на меня именно так смотрят. Я что, дебилом выгляжу?

– Совсем нет! – горячо воскликнула Алёна. – Но и на сыщика, извините, не похожи. На фотографа, на актера, художника, на... ну, я не знаю...

– На голубого, – буркнул парень. – Думают почему-то, что если в мужчине при росте сто шестьдесят семь сантиметров весу пятьдесят пять килограммов, а волосы завязаны в хвост, то он и не мужик.

Алёна тоскливо вздохнула. Обладая ростом метр семьдесят два сантиметра и весом шестьдесят пять килограммов, она уже смирилась с сантиметрами, но продолжала сражаться с килограммами. И сейчас в очередной раз подумала, что судьба порой распределяет материальные блага очень несправедливо. Можно спорить, что сосед на раз поменялся бы с ней габаритами! Не факт, конечно, что согласилась бы она... Все-таки любимые мужчины обожают ее именно такой, какая она есть, а на прочих ей в принципе плевать.

– Между прочим, – сказал лукаво молодой человек, откидывая хвостик за плечи, – я не парюсь из-за своих параметров. Частенько моя субтильность очень сильно меня выручает в работе. Например, я в женскую одежду неоднократно переодевался и даже некоторым мужичкам удачно компостирировал мозги, они потом долго по моей Майе (так меня зовут в женской ипостаси) сохли.

– Мозги? – лукаво спросила Алёна.

– Мужики! – засмеялся сосед.

– Интересный вы персонаж, – задумчиво протянула наша героиня. – Я бы про вас романчик написала. Но, наверное, вам внимание провинциальной писательницы не слишком-то лестно?

– Какая ж вы провинциальная, если вас «Глобус» в таких масштабах печатает? – удивился парень. – Вы столичная писательница, дело-то не в прописке. Мне ваше внимание весьма лестно, можете не сомневаться. Меня еще никто интересным персонажем не называл. Так что ежели понадобится – в качестве персонажа или в какой-то затруднительной ситуации – звоните, прошу!

И он протянул Алёне визитку, на которой было написано крупными буквами: *НЕТ ПРОБЛЕМ!* А внизу помельче: *Егор Рыжов*. И телефон.

– Это вы – Егор Рыжов? – удивилась Алёна, отдавая ему, как и положено вежливой даме, свою визитку. – Вас зовут Егором?!

Сосед расхохотался. Он понял Алёну с полужука. С его внешностью ему называться бы Амедео, условно говоря, Модильяни или, к примеру, Ромео, не менее условно говоря, Монтеки, а он – Егор!

– Не идет мне имя? Правильно. Ну и ладно, имена многим не идут. Вам тоже имя Алёна никак, на мой взгляд, не подходит.

– Вот еще! – обиделась она. – А какое имя мне подходит, интересно?

– Елена, – сказал молодой человек очень серьезно. – С одним общепринятым эпитетом... Понимаете, с каким?

И тут по громкой связи объявили, что пассажиры могут покинуть самолет. Все похватили свою ручную кладь и потекли к выходу, толчея разделила Алёну и Егора, так что немного смущающий, но, безусловно, приятный для нашей героини разговор воленс-ноленс прекратился.

Визитку Егора она сунула в карман плаща и отправилась получать багаж.

* * *

А на тех листочках было написано:

Париж – гарем,
И каждый в нем султан – мужчина каждый!
Мы же – одалиски,
Покорно ожидающие ночи.
Кого сегодня позовет на ложе
Властитель наших тел,
Недр наших усладитель?
Кому уронит на плечо
Платок свой, словно даст билет
В «Illusion»,

Где cinéма о счастье и любви

Нас будет тешить с вечера до утра,

Пока Заря, как *contrôleur* суровый,

Не разгонит

Игру самозабвенную теней,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.